

ПРОПАГАНДИСТСКАЯ И АГИТАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭСЕРОВ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX в. КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье рассматриваются формы агитационно-пропагандистской работы эсеров в Курской губернии в конце XIX—начале XX в. с точки зрения их наказуемости, общественной опасности. Актуальность проблемы обусловлена необходимостью исследования региональных аспектов для комплексного изучения темы. Для этого в статье проанализировано действующее в данный период уголовное законодательство на предмет обнаружения статей, нацеленных на борьбу с политической агитацией, пропагандой. Изучена агитационно-пропагандистская деятельность курских эсеров, сделаны соответствующие выводы.

Ключевые слова: политическая агитация, политическая пропаганда, эсеры, воззвания, запрещенная литература, политическое преступление, политический террор.

Введение. Во второй половине XIX в. в Российской империи обостряется общественно-политическая обстановка. Одним из методов противодействия распространения «вредных» настроений, выбранный действующей в данный период властью, стал уголовный закон. По усмотрению правительства наложение запретов на совершение определенных якобы опасных для общества и государства деяний должно было привести к сдерживанию революционного напряжения.

Цель исследования. Цель данного исследования — выявить и представить основные формы агитационно-пропагандистской работы эсеров в Курской губернии в конце XIX—начале XX в. с точки зрения их относимости к уголовно наказуемым деяниям.

Основная часть. Согласно положениям Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в России под угрозой наказания налагался запрет на составление и распространение с целью возбуждения неуважения к верховной власти, личным качествам государя или его управлению государством печатных или письменных сочинений или изображений.

Также подвергались наказанию участники «составления или злоумышленного распространения» подобных изображений или сочинений, виновные в составлении, распространении оскорбительных для супруги императора, наследника престола, других членов императорской семьи сочинений, изображений.

Отдельно запрещалось распространение политически опасных объявлений, воззваний, сочинений, изображений, преследующих цель «возбудить» бунт или явное неповиновение верховной власти [1].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. к преступным деяниям стали причислять также составление и распространение сочинений, произнесение публичных речей, из которых «хотя и без прямого и явного возбуждения к восстанию против Верховной власти» порицался установленный государственными законами образ правления или порядок наследия престола. За распространение преступных воззваний, объявлений, сочинений или изображений, публичное произнесение речей в среде войска наказание возвышалось на две степени [2, с. 175–177].

В Уголовном уложении 1903 г. было запрещено распространение или публичная демонстрация сочинений или изображений с целью возбуждения неуважения к особе императора, императрицы, наследника престола. Заключением в крепость каралось распространение или публичное выставление произведений печати, письма или изображений, содержащих заочные оскорбления без цели возбуждения неуважения к императору и членам его семьи. Особо примечательно, что заключением в крепость впервые наказывалось размножение, хранение и провоз из-за границы подобных сочинений и изображений, если лицо знало заведомо об их содержании, даже если публичное выставление или распространение не последовало [3, с. 44–45].

Как видно, уголовный закон в рассматриваемый период строго преследовал не только составление и распространение политически опасных сочинений, изображений, но и их хранение. Особым образом наказывалась политическая пропаганда среди военнослужащих, а с начала XX в. — ещё и провоз из-за границы политически опасной литературы

(несмотря на то, что все статьи Уголовного уложения 1903 г. так и не были введены в действие). Отдельно необходимо отметить, что подобным образом охранялся не только общий порядок управления страной, но и император, члены его семьи, поскольку в данный исторический период монарх не просто считался носителем верховной власти. Его личность отождествлялась с властью в стране и государством в целом.

В связи с этим во второй половине XIX — начале XX в. осуществлялась достаточно жёсткая цензура отечественных печатных органов, поскольку именно в этот период установленные в государстве цензурные запреты старались пресечь различного рода вольнодумства. При этом цензурный контроль был не только предварительным (административным), но и судебным (карательным). Несмотря на некоторые послабления в 1865 г., практически сразу после убийства императора Александра II были приняты новые правила о цензуре, которые ужесточили контроль над периодической печатью. В Положении о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 1881 г. цензура усиливалась. Так, например, в соответствии с нормами этого документа было возможно приостанавливать деятельность периодических изданий на всё время объявленного в той или иной местности чрезвычайного положения [4]. Отменена предварительная цензура лишь в 1906 г. после провозглашения в Манифесте 17 октября 1905 г. свободы слова. При этом судебный контроль за периодической печатью всё же осуществлялся на основании действующего в данный период уголовного законодательства.

В связи с этим можно заключить, что пропагандистско-агитационная деятельность в это время, как правило, оценивалась как преступная.

В Курской губернии, типичном регионе центральной части России в рассматриваемый период, политическая пропаганда и агитация также были распространены. Причём наиболее активно указанным видом деятельности занимались эсеры (социалисты-революционеры).

Первые кружки эсеров возникли в России в конце XIX в. Партия социалистов-революционеров была образована из существовавших в данный период народнических организаций, в связи с чем последователи-эсеры разделяли идеологию народничества. Считается, что именно партия эсеров была наиболее влиятельной и многочисленной немарксистской социалистической партией. Отдельно стоит подчеркнуть то, что деятельность социалистов-революционеров заключалась не только в осуществлении политического террора, чем по большей мере и «прославились» в это время эсеры, но и в организации агитационно-пропагандистской работы, которая также считалась преступной и уголовно наказуемой. Активную деятельность социалисты-революционеры развернули, в том числе, и в Курской губернии.

В конце XIX в. в курском регионе заметно активизируется общественно-политическая жизнь, на это указывает множество факторов, в том числе рост количества различных нелегальных и подпольных объединений, которые не имели официального юридического статуса и при этом вели агитационно-пропагандистскую работу. Некоторые уже функционирующие организации меняют направление своей деятельности, переориентируясь на участие в общественно-политической жизни региона. Опасные в политическом отношении объединения

подпадали под надзор местной полиции, жандармерии, прокуратуры. Естественно, в данный период члены таких организаций активно распространяли запрещённую литературу, различного рода воззвания, объявления, статьи, сочинения и т.п.

Уже в конце XIX в. на территории Курской губернии насчитывалось несколько разрозненных малочисленных кружков, в состав которых входила интеллигенция, а также бывшие народовольцы. Организационное оформление партийных групп началось в 1903—1904 гг., а завершилось к концу Первой русской революции.

В начале XX в. в революционных группах действовали свои типографии, комитеты, паспортные бюро, а также боевые организации. Агитационно-пропагандистская работа велась в основном среди служащих, учителей, рабочих, сельских обывателей. При этом особую поддержку у местного населения в рассматриваемый период получили именно эсеровские группы, поскольку их политическая программа была ориентирована, в первую очередь, на решение «избитого» крестьянского вопроса, причём в выгодном для самого крестьянства русле. В связи с этим в сельской местности эсеры получали поддержку.

Говоря о влиянии эсеров в разных местностях региона, можно отметить, что особо активно развернули свою деятельность в конце XIX — начале XX в. эсеровские кружки в таких уездах Курской губернии, как Щигровский, Суджанский, Старооскольский, Рьельский и другие [5, с. 68—74]. В Грайворонском уезде была создана неонародническая организация «Земляччина» [6, с. 126—130].

В 1904 г. для руководства работой курских эсеров был избран губернский комитет. По оценкам исследователей в 1905—1907 гг. в Курске функционировало 11 организаций социалистов-революционеров, охватывавших 574 человека [6, с. 126—130], а к лету 1907 г. существовало уже 29 организаций неонародников [7, с. 61—67]. В 1908 г. в Курской губернии полицией были обнаружены ящики с типографским шрифтом в Щигровском, Путивльском, Грайворонском и некоторых других уездах [8].

Как уже упоминалось ранее, в регионе активно велась агитационно-пропагандистская деятельность. В Курской губернии распространялись в данный период воззвания, объявления, листовки, книги с опасным в политическом отношении содержанием. На это указывают многочисленные архивные данные [9, с. 552—58].

Для воздействия на общественное сознание использовались также устные выступления. Применялись наглядные средства агитации, хотя чаще всего использовались для данных целей печатные издания. Агитация отличалась конкретикой, актуальностью, простотой, доступностью и эмоциональностью. При этом в целом можно отметить, что листовки, распространяемые в губернии в данный период, имели достаточно яркие, можно сказать «кричащие», названия. Вот некоторые примеры: «Свободное слово», «О прирезках земли мужикам», «Русские люди», «Правда о бедствиях простого народа», «Русские социалисты» и т.п. [10, л. 1—2; 11, л. 265, 326, 361; 12, л. 1—9]. Брошюра «Правда о бедствиях простого народа №4» начиналась словами: «Устройство русского государства, или Почему теперь бесчинствует народ». Она состояла из семи глав: «Начало времени великих решений», «Несправедливое устройство русского государства», «Какие перемены в русском государственном устройстве необходимы для бла-

га русского народа», «Как бороться» и других [13, л. 6–49].

Эсеры уделяли особое внимание пропаганде в сельской среде, поскольку именно крестьянство представители этой партии считали главным «объектом» информационного воздействия. Как справедливо замечает Г. А. Салтык, в связи с этим, в том числе, в начале XX в. Курская губерния занимала одно из первых мест в России по размаху крестьянского движения (только в феврале 1905 г. в регионе произошло 19 выступлений крестьян) [14]. При этом представители неонароднического движения предпринимали и более активные действия. В частности, участвовали в различных демонстрациях. Так, например, с лозунгами «Долой самодержавие!» 2 февраля 1904 г. выступала либеральная молодёжь г. Курска [7, с. 61–67].

Помимо агитационно-пропагандистской работы в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX в. эсеры вели террористическую деятельность, поскольку в рассматриваемый период в российском обществе особо интенсивно распространялись идеи революционного экстремизма, анархизма. О. Н. Квасов в связи с этим подчёркивает, что, в отличие от социал-демократов, социалисты-революционеры в Курской губернии организовывали свои объединения не вокруг печатного органа, а вокруг «успешных террористических актов», которые становились в указанный период своеобразными «объединяющими моментами». Исследователь выделяет следующие типы подобных террористических объединений, осуществляющих свою общественно опасную деятельность в регионе: стационарные группы, находящиеся в губернском подчинении; партизанские отряды; организации и партии, считавшие террор единственной и исключительно эффективной формой борьбы и др. [15, с. 214–218]. Пример — деятельность в начале XX в. известного террориста, члена боевой дружины щигровских эсеров, политического преступника И. И. Голощапова, который долгое время находился в розыске. В Курском губернском жандармском управлении (далее — КГЖУ) был составлен список возможных мест пребывания революционера. Туда вошли адреса его родственников, товарищей, друзей, проживавших в Орловской, Воронежской, Курской областях (всего более 30 населённых пунктов). В этих зонах розыскная деятельность была организована особым образом. Как поясняет Г. А. Салтык, на розыски И. И. Голощапова «были брошены лучшие силы КГЖУ». В местах предполагаемого пребывания преступника функционировали полицейские пункты (причём постоянные), трудились секретные агенты, даже работала собака-ищейка, а за поимку революционера назначено вознаграждение в размере 300 рублей. Однако, несмотря на все проводимые мероприятия, «неуловимый щигровский преступник» так и не был обнаружен [16].

Заключение. Таким образом, в рассматриваемый период эсеры активно занимались агитационно-пропагандистской работой и террористической деятельностью в Курской губернии. В конце XIX – начале XX в. эсеровские кружки действовали в Щигровском, Суджанском, Старооскольском, Рыльском и других уездах губернии.

В Грайворонском уезде была создана неонародническая организация «Земляччина». В 1904 г. для руководства работой курских эсеров был избран губернский комитет. В 1908 г. в Курской губернии полицией были обнаружены ящики с типограф-

ским шрифтом в Щигровском, Путивльском, Грайворонском и некоторых других уездах. Причём это всё строго преследовалось законом. В соответствии с действующим в рассматриваемый период уголовным законодательством такая «активность» признавалась преступной. В Уложениях о наказаниях уголовных и исправительных 1845, 1885 гг., Уголовном уложении 1903 г. запрещалось хранение, распространение политически опасной литературы, произнесение публично речей, возбуждающих неуважение к действующей власти, и т.п. Цензура разделялась на предварительную и судебную. За совершение указанных деяний привлекали к ответственности по всей строгости закона, поскольку данный механизм воспринимался властью в это время как существенный сдерживающий фактор. Однако реализация данного курса во внутренней политике также не смогла предотвратить революцию.

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания на 2022 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851 – 20200033).

Библиографический список

1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845> (дата обращения: 01.03.2022).
2. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Издано профессором Императорского училища правоведения, почтенным членом университета Св. Владимира. Изд. 5, доп. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1886. 717 с.
3. Уголовное уложение 1903 г. Санкт-Петербург: Издание Каменноостровского Юридического Книжного Магазина В. П. Анисимова, 1903. 229 с.
4. Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 1881 г. URL: <http://xn--e1aaejneposqx.xn--p1ai/node/13672> (дата обращения: 01.03.2022).
5. Степанова Е. И. К вопросу о становлении полицейской стражи Курской губернии // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 3 (15). С. 68–74.
6. Салтык Г. А. «За землю и волю...» (к вопросу о неонародническом движении в Центральном Черноземье) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2007. № 2. С. 126–130.
7. Салтык Г. А. Народные социалисты Центрального Черноземья: история становления и деятельности (конец XIX – начало XX в.) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 3 (15). С. 61–67.
8. Салтык Г. А. Социалисты-революционеры Черноземного центра России в условиях наступления реакции: 1907 год. URL: <https://docplayer.com/30121650-Socialisty-revolucionery-chernozemnogo-centra-rossii-v-usloviyah-nastupleniya-reakcii-1907-god-g-a-saltyk.html> (дата обращения: 05.03.2022).
9. Зарубина К. А. Политическая пропаганда в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // *Via in tempore*. История. Политология. 2020. Т. 47, № 3. С. 552–558. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-3-552-558.
10. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 1663. Оп. 1. Д. 2.
11. ГАКО Ф. 1663. Оп. 1. Д. 1.
12. ГАКО Ф. 1642. Оп. 1. Д. 141.

13. ГАКО Ф. 1663. Оп. 1. Д. 2.
14. Салтык Г. А. Социально-экономическое и политическое развитие Курского края в начале XX века. URL: <http://old-kursk.ru/book/kk/kk014.html> (дата обращения: 30.07.2020).
15. Квасов О. Н. Структурные субъекты российского революционного терроризма начала XX века // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 214–218.
16. Салтык Г. А. «Нить по розыску бандита И. И. Голощапова оборвалась...»: из истории борьбы Курского губернского жандармского управления с революционным терроризмом в 1907–1917 гг. URL: <http://old-kursk.ru/book/shavelev/slt140131.html> (дата обращения: 16.08.2021).

ЗРУБИНА Кристина Александровна, аспирант, преподаватель кафедры теории и истории государ-

ства и права Юго-Западного государственного университета, г. Курск.
AuthorID (РИНЦ):1058731
ORCID: 0000-0003-2725-6906
ResearcherID: AAF-4165-2022
Адрес для переписки: kris1996z@mail.ru

Для цитирования

Зарубина К. А. Пропагандистская и агитационная деятельность эсеров в Курской губернии в конце XIX – начале XX в. как проявление политической преступности // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 3. С. 34–39. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-3-34-39.

Статья поступила в редакцию 10.03.2022 г.
© К. А. Зарубина

PROPAGANDA AND AGITATION ACTIVITIES OF SOCIAL REVOLUTIONARIES IN KURSK PROVINCE IN THE LATE XIX—EARLY XX CENTURY AS A MANIFESTATION OF POLITICAL CRIMINALITY

The annotation examines the forms of agitation and propaganda work of the Social revolutionaries in the Kursk province in the late XIX—early XX century, from the point of view of their relevance to criminally punishable acts. The urgency of the problem is due to the need to study regional aspects for a comprehensive study of the topic. To do this, the article analyzes the criminal legislation in force during this period in order to detect articles aimed at combating political agitation and propaganda. The paper presents an analysis of the main criminal laws, examines the grounds for bringing to criminal responsibility for the compilation, storage, reproduction, distribution of politically dangerous literature, making public speeches questioning the course implemented by the state. The agitation and propaganda activities of the Kursk Social revolutionaries have been studied, the necessary conclusions have been drawn.

Keywords: political agitation, political propaganda, Social revolutionaries, appeals, banned literature, political crime, political terror.

Acknowledgments

The work is carried out within the framework of the state task for 2022 «Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state» (№ 0851 – 20200033).

References

1. Ulozheniye o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh 1845 g. [The Code of Penal and Correctional Penalties of 1845]. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845> (accessed: 01.03.2022). (In Russ.).
2. Ulozheniye o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh 1885 g. Izdano professorom Imperatorskogo uchilishcha pravovedeniya, pochtennym chlenom universiteta Sv. Vladimira [The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885 was published by a professor of the Imperial School of Jurisprudence, a venerable member of the University of St. Vladimir]. 5th. ed. St. Petersburg, 1886. 717 p. (In Russ.).
3. Ugolovnoye ulozheniye 1903 g. [Criminal Code of 1903]. St. Petersburg, 1903. 229 p. (In Russ.).
4. Polozheniye o merakh k okhraneniyu gosudarstvennogo poriyadka i obshchestvennogo spokoystviya 1881 g. [Regulation on measures to protect public order and public peace of 1881]. URL: <http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13672> (accessed: 01.03.2022). (In Russ.).
5. Stepanova E. I. K voprosu o stanovlenii politseyskoy strazhi Kurskoy gubernii [On the question of the formation of the police guard of the Kursk province] // Uchenyye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta.

Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University. 2010. No. 3 (15). P. 68–74. (In Russ.).

6. Saltyk G. A. «Zazemlyu i volyu...» (k voprosu o neonarodnicheskom dvizhenii v Tsentral'nom Chernozem'ye) [«For the land and the will ...» (on the question of the neo-national movement in the Central Chernozem region)] // Uchenyye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. *Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University.* 2007. No. 2. P. 126–130. (In Russ.).

7. Saltyk G. A. Narodnyye sotsialisty Tsentral'nogo Chernozem'ya: istoriya stanovleniya i deyatel'nosti (konets XIX – nachalo XX v.) [People's Socialists of the Central Chernozem region: the history of formation and activity (late XIX – early XX Century)] // Uchenyye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. *Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University.* 2010. No. 3 (15). P. 61–67. (In Russ.).

8. Saltyk G. A. Sotsialisty-revolutsionery Chernozemnogo tsentra Rossii v usloviyakh nastupleniya reaktsii: 1907 god [Socialists-revolutionaries of the Chernozem center of Russia in the conditions of the onset of reaction: 1907]. URL: <https://docplayer.com/30121650-Socialisty-revolutsionery-chernozemnogo-centra-rossii-v-usloviyah-nastupleniya-reakcii-1907-god-g-a-saltyk.html> (accessed: 05.03.2022). (In Russ.).

9. Zarubina K. A. Politicheskaya propaganda v Kurskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Political propaganda in the Kursk province in the second half of the XIX beginning of the XX century] // Via in tempore. Istoriya. Politologiya. *Via in Tempore. History and Political Science.* 2020. Vol. 47, no. 3. P. 552–558. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-3-552-558. (In Russ.).

10. Gosudarstvennyy arkhiv Kurskoy oblasti (GAKO) [State Archive of the Kursk region (SAKR)]. File: 1663/1/2. (In Russ.).
11. GAKO [SAKR]. File: 1663/1/1. (In Russ.).
12. GAKO [SAKR]. File: 1642/1/141. (In Russ.).
13. GAKO [SAKR]. File: 1663/1/2. (In Russ.).
14. Saltyk G. A. Sotsial'no-ekonomicheskoye i politicheskoye razvitiye Kurskogo kraya v nachale XX veka [Socio-economic and political development of the Kursk Region at the beginning of the XX century]. URL: <http://old-kursk.ru/book/kk/kk014.html> (accessed: 30.07.2020). (In Russ.).
15. Kvasov O. N. Ctrukturnyye sub"yekty rossiyskogo revolyutsionnogo terrorizma nachala XX veka [Discourse of terrorism in early XX and XXI centuries] // Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2009. No. 2. P. 214–218. (In Russ.).
16. Saltyk G. A. «Nit' porozysku bandita I. I. Goloshchapova oborvalas'...»: iz istorii bor'by kurskogo gubernskogo zhandarmskogo upravleniya s revolyutsionnym terrorizmom v 1907–1917 gg. [«The thread on the search for the bandit I. I. Goloshchapov broke...»: from the history of the struggle of the Kursk provincial gendarmerie department with revolutionary terrorism in 1907–1917]. URL: <http://old-kursk.ru/book/shavelev/slt140131.html> (accessed: 16.08.2021). (In Russ.).

ZARUBINA Kristina Alexandrovna, Postgraduate Student, Lecturer of Theory and History of State and Law Department, South-West State University, Kursk. AuthorID (RSCI): 1058731
ORCID: 0000-0003-2725-6906
ResearcherID: AAF-4165-2022
Correspondence address: kris1996z@mail.ru

For citations

Zarubina K. A. Propaganda and agitation activities of Social Revolutionaries in Kursk province in the late XIX–early XX century as a manifestation of political criminality // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2022. Vol. 7, no. 3. P. 34–39. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-3-34-39.

Received March 10, 2022.

© K. A. Zarubina